УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.5.14.24

АЖУРНЫЙ НАБОРНЫЙ ПОЯС ИЗ ПАРЦИАЛЬНОГО ЗАХОРОНЕНИЯ ЭПОХИ ПЕРВОГО ТЮРКСКОГО КАГАНАТА В СЕВЕРНОМ АЛТАЕ[1]

© 2026 г. Н.Н. Серегин, С.С. Матренин, Н.Ф. Степанова

Статья посвящена введению в научный оборот, анализу и интерпретации оригинального наборного пояса, обнаруженного в ходе раскопок могилы 52 некрополя Горный-10. На данном памятнике, расположенном в Красногорском районе Алтайского края, экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» в 2000–2002 гг. исследованы 75 грунтовых погребений начала раннего средневековья. При изучении публикуемой непотревоженной могилы зафиксирован неординарный обряд отдельного захоронения головы взрослого человека при соблюдении всех фиксируемых традиций погребальной практики («полноценная» могильная яма, набор предметов инвентаря, расположение вещей и др.). Анализ предметного комплекса позволяет датировать данный объект в рамках второй половины VI – середины VII вв. н.э. и отнести его к кругу довольно немногочисленных комплексов эпохи Первого Тюркского каганата. Основой для такой хронологической интерпретации выступают результаты анализа оригинального наборного пояса, включавшего 13 ажурных блях-накладок на шпеньках. Присутствие рассматриваемого пояса в материальной культуре населения, оставившего некрополь Горный-10, косвенно свидетельствует о его взаимодействии с раннетюркскими племенами в середине I тыс. н.э.

Ключевые слова: археология, Алтай, раннее средневековье, наборный пояс, Первый Тюркский каганат, некрополь, хронология, погребальный обряд

OPENWORK COMPOSITE BELT FROM A PARTIAL BURIAL OF THE FIRST TURKIC KHAGANATE IN NORTHERN ALTAI[2]

N.N. Seregin, S.S. Matrenin, N.F. Stepanova

The article deals with the introduction into scientific discourse, analysis, and interpretation of an original composite belt discovered during the excavations of burial 52 at the Gorny-10 necropolis. At this site, located in the Krasnogorsk district of the Altai Krai, expeditions of the Altai State University and the Scientific Production Center "Nasledie" (Heritage) investigated 75 burials without mound dating to the beginning of the Early Middle Ages between 2000 and 2002. The Scientific Production Center "Heritage" in 2000–2002 studied 75 burials without mounds of the early Middle Ages. A study of the undisturbed grave revealed an extraordinary rite: the burial of an adult human head, while observing all established burial traditions (a standard burial pit, a set of grave goods, placement of objects, etc.). Analysis of the artifacts allows for dating this object to the second half of the 6th to the mid-7th centuries AD and classify it as one of the relatively few assemblages from the era of the First Turkic Khaganate. This chronological interpretation is based on the results of an analysis of an original composite belt, which included 13 openwork belt buckles with pins. The presence of this belt in the material culture of the population that left the Gorny-10 necropolis indirectly indicates their interaction with the early Turkic tribes in the mid – 1st millennium AD.

Keywords: archaeology, Altai, early Middle Ages, composite belt, First Turkic Khaganate, necropolis, chronology, burial rite

[1] Анализ и интерпретация наборного пояса осуществлены в рамках реализации проекта Российского научного фонда №25-18-00775, https://rscf.ru/project/25-18-00775/. Обработка материалов раскопок некрополя Горный-10 проведена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН №FWZG-2025-0012.

[2] The analysis and interpretation of the composite belt were conducted as a part of the Russian Science Foundation project No. 25-18-00775 (https://rscf.ru/project/25-18-00775/). The processing of materials from the Gorny-10 necropolis excavations was conducted under research project No. FWZG-2025-0012 of the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IAET SB RAS).

Рис. 1. Расположение некрополя Горный-10.
Fig. 1. Location of the Gorny-10 necropolis.

Введение

Одним из ярких элементов предметного комплекса средневековых народов Северной и Центральной Азии являлись наборные пояса. Такие изделия традиционно выступают важным хронологическим маркером археологических комплексов, а также демонстрируют особенности социальной истории отдельных групп населения. В ряде случаев наборные пояса отражают сложные процессы взаимодействия местных и внешних традиций в оформлении гарнитур. Характерным примером такой ситуации являются материалы из памятников юга Западной Сибири начала раннего средневековья, которые свидетельствуют о значительном влиянии моды центральноазиатских кочевников, определившем сосуществование различных типов изделий.

Имеющийся опыт археологических исследований демонстрирует достаточно слабую изученность наборных поясов VI–VII вв. н.э., оснащенных редко встречающимися ажурными (прорезными) ременными гарнитурами (пряжки, бляхи, наконечники), выполненными из цветного и драгоценного металла. Приходится констатировать, что в сложившейся практике вещеведения на материалах Алтая данная проблема затронута пока только в работах, посвященных анализу «геральдических» поясов из объектов могильника Кудыргэ (Могильников, 1981, рис. 23; Добжанский, 1990, табл. XXV: 1, 2; Ковалевская, 1990, с. 43). Отметим также работы, в которых представлены некоторые аспекты изучения ажурных деталей комплектов из памятников верхнеобской культуры Приобья (Троицкая, 1996, с. 155, 159, рис. 2: 1–7; Троицкая, Новиков, 1998, с. 55, рис. 26: 33).

Принимая во внимание весьма ограниченный корпус опубликованных вещественных источников начала раннего средневековья с территории Западной Сибири, большое значение имеет представленный в настоящей статье опыт изучения оригинального наборного пояса из некрополя Горный-10, являющегося на сегодняшний день одним из показательных комплексов эпохи Тюркских каганатов.

Характеристика источников

Некрополь Горный-10 расположен в Красногорском районе Алтайского края, на мысу правого берега р. Иша, в 1,3 км к западу – северо-западу от устья р. Карагуж. В 2000 – 2002 гг. в рамках аварийных археологических исследований экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева и Н.Ф. Степановой была вскрыта значительная часть данного комплекса (Серегин, Степанова, 2019; 2021). Среди изученных 75 объектов некрополя преобладали непотревоженные погребения, совершенные по обряду одиночной ингумации с разнообразным сопроводительным инвентарем, представленным различными изделиями, показательными для второй половины VI – VII вв. н.э. (Seregin, Tishin, Stepanova, 2022; Серегин, Матренин, Степанова, 2025а–б; и др.). В более чем трети исследованных могил были зафиксированы металлические детали наборных поясов (пряжки, бляхи, реже наконечники и другие предметы), имеющие близкие аналогии в снаряжении тюрок Центральной Азии, а также раннесредневековых племен юга Западной Сибири. Данные изделия могли как составлять полные комплекты с разным составом декоративных элементов, так и демонстрировать практику помещения в захоронения отдельных гарнитур, символизировавших целые пояса. В сформированной коллекции выделяется несколько поясов с достаточно редкими типами блях, расположение которых надежно документировано, что позволяет установить порядок их размещения в наборах. Один из таких оригинальных комплектов обнаружен в могиле 52.

Обозначенное захоронение было изучено в 2001 г. в раскопе, заложенном на юго-восточ-

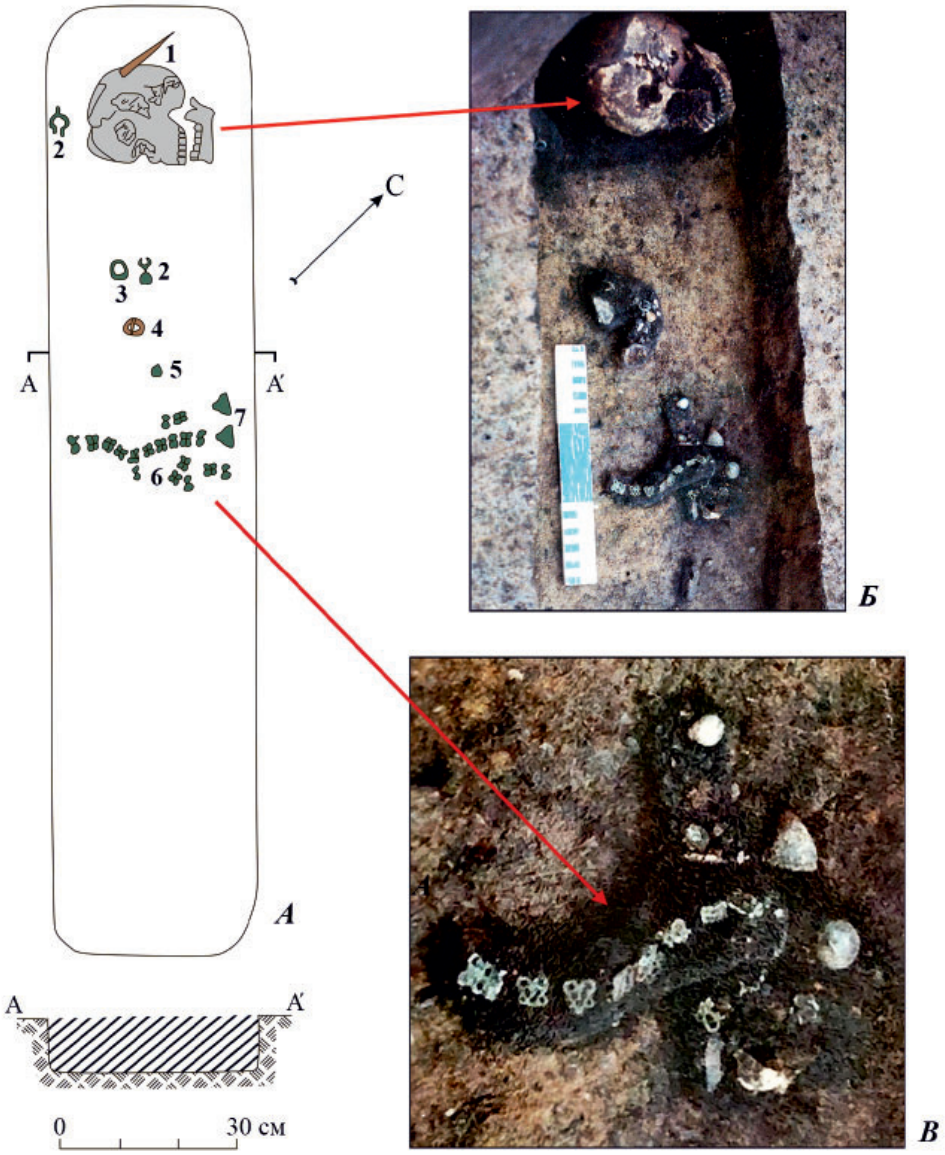

Рис. 2. Некрополь Горный-10, могила 52. *А* – план и разрез могилы (*1 – нож; 2 –серьги; 3 – перстень; 4 – поясная пряжка; 5 – подвеска от серьги; 6 – поясные бляхи; 7 – колокольчики-подвески*); *Б, В* – размещение черепа и сопроводительного инвентаря в захоронении.
Fig. 2. Gorny-10 necropolis, grave 52. *A* – plan and section of the grave (*1 – knife; 2 – earrings; 3 – ring; 4 – belt buckle; 5 – pendant from an earring; 6 – belt plaques; 7 – bell pendants)*; *B, C* – placement of the skull and accompanying inventory in the burial.

ной окраине береговой террасы, среди скоплений непотревоженных объектов, расположенных рядами. Могила выявлена в средней части культурного слоя поселения раннего железного века, с глубины 0,7 м от современной поверхности. Заполнение ямы включало темно-серый суглинок. Установлено, что могила имела прямоугольную форму (длина – 1,65 м, ширина – 0,35 м) и была ориентирована продольной осью по линии северо-запад – юго-восток. Глубина ее от уровня современного горизонта составляет 0,95 м, мощность в слое – 25 см, в материке – 0,1 м. Размеры могилы (прежде всего, ее длина) предполагали возможность ингумации тела взрослого человека, однако в ходе зачистки обнаружено только захоронение головы индивида, умершего в возрасте 20–30 лет[1] (рис. 2: А). Череп покойного лежал на правой стороне и был обращен лицевой частью на юго-восток. Рядом с теменем найдена бронзовая серьга (рис. 2: Б; 3: 17). В процессе выборки грунта у северо-западной стенки могилы на глубине 0,6 м обнаружен железный нож (рис. 3: 20).

В центре могилы расчищен тлен кожаного ремня, который был украшен 13 бронзовыми ажурными накладными бляхами разной формы и размеров, со шпеньковым креплением (рис. 2: Б, В; 3: 2–14). Декоративные элементы были расположены так, словно в могилу сначала поместили тело, а потом поверх него надели пояс. С наборным поясом связана железная рамчатая пряжка (рис. 3: 1), которая лежала на некотором удалении (примерно в 0,3 м) от обозначенного скопления предметов. Вероятно, она была срезана с ремня и положена отдельно. Между поясом и черепом зафиксированы бронзовая серьга с подвеской (рис. 3: 18), бронзовый перстень (рис. 3: 19) и пара колокольчиков-подвесок (рис. 3: 15, 16). Последние, вероятно, были помещены в сумочку или крепились к поясу на ремешки.

Анализ материалов

Обнаруженные предметы сопроводительного инвентаря из могилы 52 некрополя Горный-10 выступают основой для установления датировки публикуемого закрытого комплекса с привлечением актуальных для сравнения вещественных материалов из отдельных регионов Северной и Центральной Азии.

Наиболее показательным в обозначенном контексте является оригинальный наборный пояс, оснащенный тринадцатью бронзовыми литыми ажурными бляхами с внутренними шпеньками. Самая крупная среди них сложнофигурная накладка с «завитками-волютами» (рис. 3: 2; 4: 1) состоит из пары зеркально соединенных прорезных блях. Среди близких аналогий данной находке отметим штампованное изделие, обнаруженное в захоронении первой половины VII в. н.э., исследованном в Центральном Алтае (Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 10: 3). Такие же декоративные предметы зафиксированы в Кузнецкой котловине в могильнике Саратовка, часть объектов которого относится ко второй половине VI – началу VIII вв. н.э. (Илюшин, 1999, рис. 32: 8–13). Важно отметить, что похожие поясные бляхи выявлены и в других объектах некрополя Горный-10. В контексте хронологической интерпретации обозначенных вещей необходимо обратить внимание на декор в виде «завитков-волют», прослеженный в материальной культуре тюрок Алтая второй половины VI – VII вв. н.э.: застежки и бляха-накладка из могильника Кудыргэ (Гаврилова, 1965, табл. XVIII: 11; XIX: 3–5); поясные четырехугольные бляхи из комплекса Юстыд-XII (Кубарев, 2005, с. 51, рис. 12: 5); наконечник поясного ремня из памятника Кара-Коба-I (Могильников, 1997, рис. 7: 1) и др. Возможная связь такого орнамента с более ранними (IV – начало VI вв. н.э.), близкими по стилистике ременными гарнитурами населения таштыкской культуры Среднего Енисея и бурхотуйской культуры Забайкалья, а также с когурескими древностями Кореи (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XXVI: 2; Азбелев, 2009, рис. 5: 1–3; 6: 1, 2) требует уточнения в рамках специального исследования. Более отдаленные и поздние аналогии рассматриваемому декору представлены в художественном металле из протоболгарских памятников Среднего Поволжья второй половины VII в. н.э. (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 161, 162; рис. 15: 2–5; 16: 18, 22; 17: 4–6, 8, 11, 12; 43: 14–17, 21, 32; 45: 12; 46: 11–13).

Привлекаемые для сравнения находки предоставляют основания для определения датировки рассматриваемой ажурной бляхи наборного пояса из могилы 52 некрополя Горный-10 периодом не позднее середины – третьей четверти VII в. н.э. Можно высказать предположение о том, что орнамент в виде «завитков-волют» на данном изделии демонстрирует начальный этап сложения в степной традиции растительного мотива так называемой «растрепанной пальметты», встречающегося впервые у отдельных групп тюрок в третьей четверти VII в. н.э. и получившего широкое распространение у кочевников Евразии в более позднее время (Торгоев, 2011, с. 101; рис. 51–56, 67).

Входящие в состав наборного пояса десять ажурных блях бабочковидной (рис. 3: 3–12; 4: 2–11) и многоугольной формы с отверстиями (рис. 3: 13, 14; 4: 12, 13) стилистически и, вероятно, хронологически близки прорезным ременным гарнитурам второй половины VI – первой половины VII вв. н.э., происходящим из раннетюркских комплексов Алтая и Средней Азии (Спришевский, 1951, рис. 2: 5; Гаврилова, 1965, табл. XIX: 3–5; Курманкулов, 1980, рис. 3: 1, 6). Похожие по декоративному решению предметы на юге Западной Сибири представлены единичными находками из памятников Новосибирского Приобья

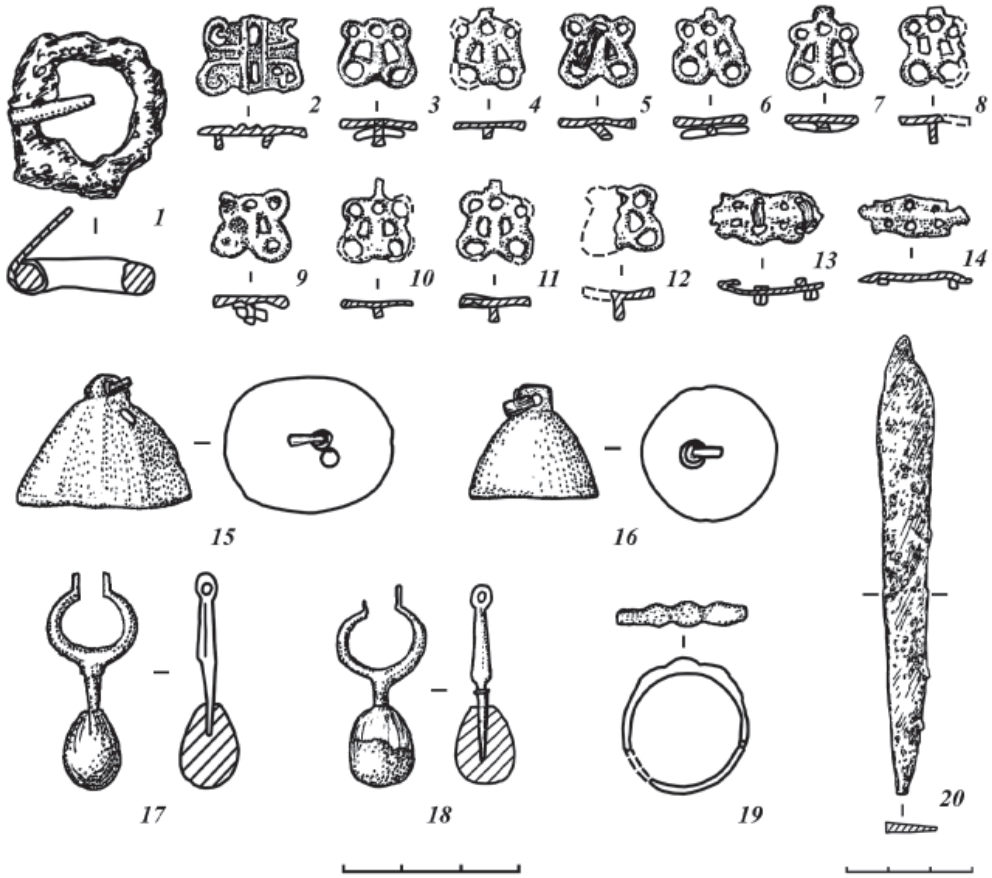

Рис. 3. Сопроводительный инвентарь из могилы 52 некрополя Горный-10.
1 – поясная пряжка; *2–14* – поясные бляхи; *15, 16* – колокольчики-подвески; *17, 18* – серьги; *19* – перстень; *20* – нож. *1, 20 – железо; 2–16, 19 – цветной металл; 17, 18 – цветной металл, камень.*
Fig. 3. Accompanying inventory from grave 52 at the Gorny-10 necropolis.
1 – belt buckle; *2–14* – belt plaques; *15, 16* – bell pendants; *17, 18* – earrings; *19* – ring; 20 – knife. *1, 20 – iron; 2–16, 19 – non-ferrous metal; 17, 18 – non-ferrous metal, stone.*

и Алтайской лесостепи (Троицкая, Новиков, 1998, рис. 26: 33; Грушин и др., 2020, с. 133, рис. 3: 17, 23), относящихся к VII в. н.э. Не исключено, что многоугольные бляхи могли послужить прототипом для вытянуто-овальных блях с лепестковидными верхними и нижними краями и нервюрой по центру, появившихся в конском снаряжении у тюрок Алтая во второй половине VII – первой половине VIII вв. н.э. (Горбунова, 2003, рис. 5: 10, 12).

С нарядным обликом ажурных блях несколько диссонирует весьма простая железная поясная пряжка с овальной рамкой без щитка и подвижным язычком на основании (рис. 3: 1). Такие экземпляры в материальной культуре народов эпохи средневековья не являются хронологически информативными. При этом следует отметить, что в имеющейся серии предметов снаряжения из объектов некрополя Горный-10 похожие предметы достаточно часто входили в состав поясов, в том числе оснащенных ременными гарнитурами из художественного металла.

Найденные в могиле 52 две бронзовые серьги с лировидной дужкой, имеющие отверстия на несомкнутых концах и выступ в нижней части с надетой на него отдельно изготовленной подвеской (рис. 3: 17, 18), обнаруживают ограниченный, но весьма показательный круг датированных аналогий. Среди них выделим материалы некрополя Кудыргэ в Восточном Алтае (вторая половина VI – первая половина VII вв. н.э.) (Гаврилова, 1965, табл. XII: 4), а также близкие по времени объекты из Алтайской лесостепи (Осинки, могила 52) (Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 32, табл. XII: 4), Минусинской котловины (Тепсей-III, склеп 2) (Грязнов, 1979, рис. 67: 36) и Забайкалья (Воробьиная падь-II, погребение 3) (Кириллов И.И., Ковычев, Кирилллов О.И., 2000, рис. 72: 14). Похожая по конструкции серь-

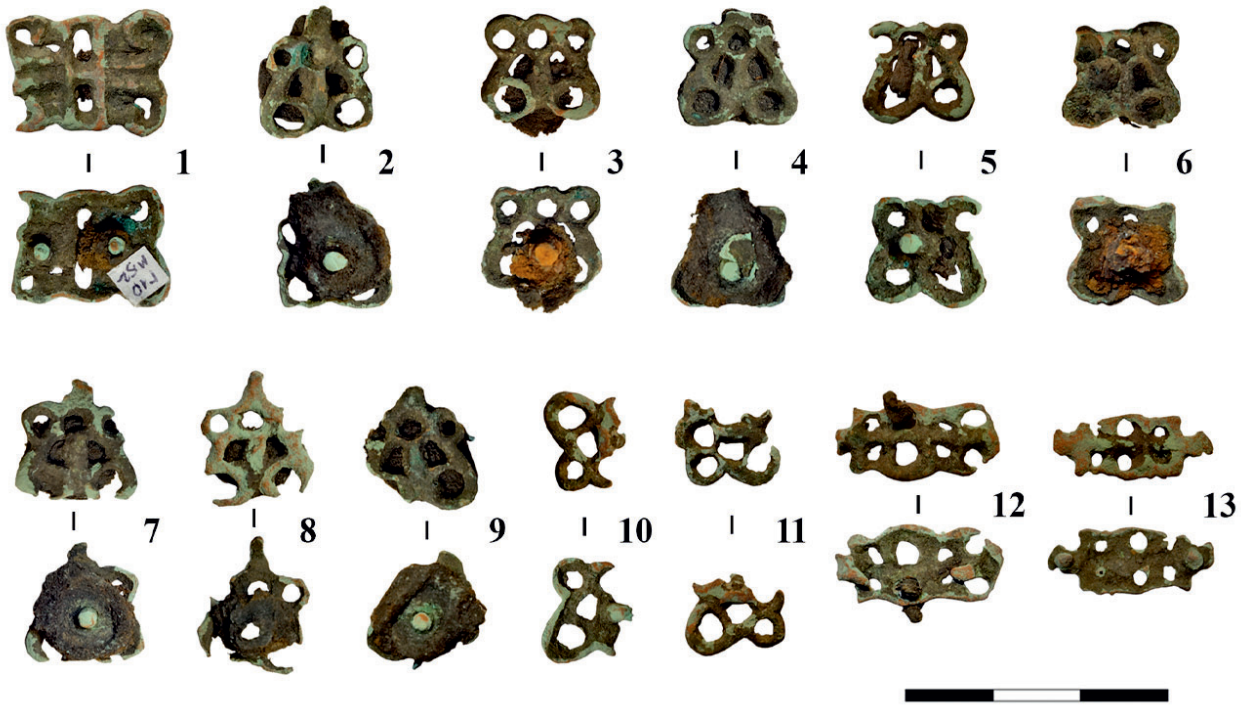

Рис. 4. Ажурные бляхи-накладки наборного пояса из могилы 52 некрополя Горный-10.
Fig. 4. Openwork plaques of composite belt from grave 52 of the Gorny-10 necropolis.

га без подвески зафиксирована в комплексе VI–VII вв. н.э. из Прибайкалья (Дашибалов, 2011, рис. 97: 14). Судя по этим данным, рассматриваемые украшения являются одним из хронологических маркеров эпохи Первого Тюркского каганата. Следует отметить, что аналогичные публикуемым образцам серьги в некрополе Горный-10 представлены еще двумя парами экземпляров.

Бронзовые колокольчики-подвески с граненым (рис. 3: 15) и гладким (рис. 3: 16) корпусом, судя по известным на сегодняшний день материалам, не имели местной основы для формирования в предметном комплексе населения Алтая начала раннего средневековья. Данные предметы обнаружены при исследовании ряда памятников второй половины VI – VII вв. н.э. в Байкальском регионе и Прикамье (Голдина, 1985, табл. XXI: 7–11; Кириллов И.И., Ковычев, Кирилллов О.И., 2000, рис. 79: 24–26, 33, 34; Дашибалов, 2011, рис. 100: 1–4; Голдина Р.Д., Перевозчикова, Голдина Е.В., 2018, табл. 192: 5; 241: 12; 307: 13–17; 381: 12, 14). В ходе раскопок объектов некрополя Горный-10 сформирована довольно представительная серия подобных колокольчиков-подвесок (Серегин, Степанова, 2021, рис. 3: 1–3; 4: 1–3). На текущий момент вопрос о наиболее вероятном направлении заимствования таких изделий населением северных предгорий Алтая остается открытым. В обозначенном контексте важно подчеркнуть отсутствие аналогичных колокольчиков-подвесок в начале раннего средневековья у племен Приобья.

Зафиксированный в могиле 52 бронзовый перстень со щитком в виде трех выпуклостей, расположенных в ряд (рис. 3: 19), представляет собой весьма редкую находку для комплексов юга Западной Сибири начала раннего средневековья. Помимо нескольких экземпляров из некрополя Горный-10 близкие по оформлению образцы известны в опубликованных материалах верхнеобской культуры VII – начала VIII вв. н.э. (Троицкая, Новиков, 1998, с. 30, рис. 15: 7). Морфологически похожий перстень происходит из комплекса дарасунской культуры VII в. н.э. в Забайкалье (Кириллов И.И., Ковычев Кирилллов О.И., 2000, рис. 72: 19).

Железный короткоклинковый (менее 13 см) нож с прямой спинкой и прямым череном для отдельно изготовленной рукояти (рис. 3: 21) относится к широко распространенной модификации орудий, существовавших на протя-

жении длительного времени у многих народов Евразии в эпоху средневековья (Серегин, Матренин, Степанова, 2025в, с. 107).

Обсуждение результатов

Отличительной характеристикой публикуемого комплекса является неординарный обряд отдельного захоронения головы человека при соблюдении всех фиксируемых традиций погребальной практики («полноценная» могильная яма, набор предметов инвентаря, расположение вещей и др.). Интерпретация ритуала изолированной ингумации краниума является дискуссионной. Учитывая расположение черепа и предметов сопроводительного инвентаря, могилу 52 представляется возможным рассматривать в рамках широко представленной на некрополе Горный-10 традиции вторичных захоронений с разной степенью анатомической целостности, происхождение которой может быть связано с проникновением в предгорья Алтая в третьей четверти I тыс. н.э. населения из более северных районов Приобья (Чиндина, 1977, с. 87; 1991, с. 32, 87; Беликова, Плетнева, 1983, с. 106; Троицкая, Новиков, 1998, с. 23, 127, 129). Со значительной степенью вероятности полагаем, что практика отдельного погребения головы была обусловлена утратой туловища и конечностей умершего во временно совершенном захоронении. Похожее парциальное трупоположение исследовано на памятнике Горный-10 в могиле 69 с той разницей, что в ней находился череп без нижней челюсти (судя по антропологическим определениям, принадлежавший мужчине 35–40 лет), локализация которого не воспроизводила размещения целого костяка (Серегин, Матренин, Степанова, 2025б, с. 242, 251).

Зафиксированное в ходе раскопок расположение блях-накладок указывает на то, что обнаруженный в могиле 52 наборный пояс был помещен в захоронение в соответствии с нормами обрядности – то есть так, как если бы он был надет на тело покойного при застегивании верхней одежды. Особенностью является лишь то, что у пояса была срезана пряжка, уложенная отдельно от блях. Вопрос о том, насколько данная ситуация могла быть связана с неординарным характером захоронения только головы человека, остается открытым.

Судя по наличию оригинального и нарядного наборного пояса с ажурными бляхами, выполненными в достаточно сложной технике литья, а также других украшений костюма (серьги, колокольчики-подвески, перстень), похороненный в могиле 52 человек занимал достаточно высокое положение в социальной иерархии одной из локальных групп населения северных предгорий Алтая в начале раннего средневековья. В составе некрополя Горный-10 рассматриваемый комплект относится к числу наиболее богато декорированных поясных наборов. Не исключено, что некоторая вычурность оформления данного пояса была обусловлена тем, что он являлся элементом женского костюмного комплекса. Данному заключению не противоречит облик остального инвентаря из рассматриваемого захоронения.

Заключение

Изучение предметного комплекса из могилы 52 позволяет датировать данный объект в рамках второй половины VI – середины VII вв. н.э. и отнести его к кругу довольно немногочисленных комплексов эпохи Первого Тюркского каганата. Основой для данной хронологической интерпретации выступают результаты анализа оригинального наборного пояса, включавшего 13 ажурных бляхнакладок со шпеньками. Наиболее показательной является крупная сложнофигурная накладка с прорезными «завитками-волютами», датируемая периодом не позднее третьей четверти VII в. н.э. Остальные декоративные элементы в виде бабочковидных (10 экз.) и многоугольных (2 экз.) изделий, несмотря на отсутствие точных аналогий, демонстрируют стилистическую близость с прорезными ременными гарнитурами из памятников Алтая, юга Западной Сибири и Средней Азии второй половины VI – первой половины VII вв. н.э. Присутствие рассматриваемого пояса в материальной культуре населения, оставившего некрополь Горный-10, косвенно свидетельствует о его взаимодействии с раннетюркскими племенами эпохи Первого каганата. Представленное заключение подтверждает анализ других декоративных категорий сопроводительного инвентаря (серьги с лировидной дужкой и подвеской, колокольчики, перстень), имеющих актуальный круг аналогий в памятниках Северной и Центральной Азии начала раннего средневековья. Принимая во внимание престижность и сакральную значимость оригинального наборного пояса, а также состав обнаруженного в погребении пред-

метного комплекса, можно сделать вывод, что человек, похороненный в могиле 52, имел при жизни довольно высокий статус. В целом, публикуемые материалы расширяют сложившиеся представления о межкультурном взаимодействии населения юга Западной Сибири с племенами центральноазиатского региона в начале раннего средневековья и демонстрируют перспективы дальнейших комплексных исследований разнообразных поясных гарнитур из объектов некрополя Горный-10.

Примечание:

[1] Череп плохой сохранности, имеет значительные посмертные повреждения. Данных для определения половой принадлежности черепа на основе его морфологических особенностей недостаточно. Приведенный возраст установлен с учетом степени стертости зубов. Определения осуществлены к.и.н. С.С. Тур.

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев П.П. Таштыкский пояс // Древности Сибири и Центральной Азии. Вып 1–2 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. С. 29–49.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.

Багаутдинов Р.С., *Богачев А.В.*, *Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара: СамВен, 1998. 286 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск: Изд-во Томского университета, 1983. 246 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркут. ун-т, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI – IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 19. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2018. 720 с.

Горбунова Т.Г. Бляхи-накладки конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая // Древности Алтая. № 10 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. С. 117–129.

Грушин С.П., Фрибус А.В., Тишкин А.А., Сайберт В.О. Комплексный анализ раннесредневековых наборных поясов из могильника Чумыш-Перекат (Верхнее Приобье) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. С. 128–136.

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / Отв. ред. М.П. Грязнов. Новосибирск: Наука, 1979. С. 89–145.

Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Бурятский гос.ун-т, 2011. 174 с.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Новосибирский университет, 1990. 164 с.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: КузГТУ, 1999. 160 с.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. 176 с.

Ковалевская В.Б. Традиции прорезных поясов в памятниках кудыргинского типа // КСИА. Вып. 199 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1990. С. 37–46.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Курманкулов Ж. Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 191–197.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. № 2 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. С. 115–129.

Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 18. Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 29–43.

Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. С. 187–234.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (Басандайская культура). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Степанова Н.Ф. Комплекс вооружения населения северных предгорий Алтая в эпоху Тюркских каганатов (по материалам некрополя Горный-10) // РА. 2025а. №2. С. 82–96. DOI: https://doi.org/10.31857/S0869606325020066

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Степанова Н.Ф. Одиночное захоронение черепа человека с оригинальным инвентарем из некрополя Горный-10: новые о погребальной обрядности населения северных предгорий Алтая в начале раннего средневековья // Stratum plus. 2025б. №5. С. 241–254. DOI: https://doi.org/10.55086/sp255241254

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Степанова Н.Ф. Орудия труда населения северных предгорий Алтая начала раннего Средневековья (по материалам некрополя Горный-10) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2025в. №3: Археология и этнография. С. 100–114. DOI: https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-3-100-114

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. «Элитное» детское погребение эпохи Тюркских каганатов из Северного Алтая // Stratum Plus. 2021. № 5. С. 335–344.

Спришевский В.И. Погребение с конем середины I тыс. н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды Музея истории народов Узбекистана. 1951. Вып. 1. С. 33–42.

Торгоев А.И. Ременные украшения Семиречья V – начала XIII вв. (вопросы хронологии). Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2011. 222 с.

Троицкая Т.Н. Местные пояса населения верхнеобской культуры // Проблемы археологии, антропологии и этнографии Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Алт. ун-т, 1996. С. 154–162.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Том. ун-т, 1977. 192 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху средневековья (релкинская культура). Томск: Томск. ун-т, 1991. 184 с.

Seregin N.N., Tishin V.V., Stepanova N.F. Chinese Coins from the Early Medieval Cemetery Gorny-10, Northern Altai // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2022. №3. P. 103–112. DOI: https://doi.org/10.17746/1563-0110.2022.50.3.103-112

Информация об авторах:

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, заведующий лабораторией, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); nikolay-seregin@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); matrenins@mail.ru

Степанова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); nstepanova10@mail.ru

REFERENCES

Azbelev, P. P. 2009. In Soenov, V.I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 1–2. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk University, 29–49 (in Russian).

Aseev, I. V., Kirillov, I. I., Kovychev, E. V. 1984. *Kochevniki Zabaikal'ia v sr'dnevekov'ia (po materialam pogrebeniy) (The Nomads of Transbaikalia in the Middle Ages ((following to burial materials))*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bagautdinov, R. S., Bogachev A.V., et al. 1998. *Prabolgary na Srednei Volge. U istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia (The Pra-Bolgars in the Middle Volga Region. At the Origins of Tatar History)*. Samara: "SamVen" Publ. (in Russian).

Belikova, O. B., Pletneva, L. M. 1983. *Pamiatniki Tomskogo Priob'ia v V–VIII vv. n.e. (Sites of the Tobolsk Ob River Region in 5th – 8th Centuries)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen (Kudyrge burial ground as a source on the history of the Altai tribes)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatka Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

Goldina, R. D., Perevozchikova, S. A., Goldina, E. V. 2018. *Mogil'nik VI – IX vv. u d. Verkh-Saya v Kungurskoy lesostepi (Verkh-Saya burial ground of the 6th-9th centuries in Kungur forest-steppe)* Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 19. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Gorbunova, T. G. 2003. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 10. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk University, 117–129 (in Russian).

Grushin, S. P., Fribus, A. V., Tishkin, A. A., Saibert, V. O. 2020. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* (67), 128–136 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1979. In Gryaznov, M. P. (ed.). *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee (The archaeological complex at Mount Tepsey on the Yenisei River)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 89–145 (in Russian).

Dashibalov, B. B. 2011. *Drevnosti khori-mongolov: khunno-syan'biyskoe nasledie Baykal'skoy Sibiri (Antiquities of Hori Mongols: Hun-Xianbei Heritage of Baikal Siberia).* Ulan-Ude: Buryat State University (in Russian).

Dobzhanskiy, V. N. 1990. *Nabornye poyasa kochevnikov Azii (Typesetting belts of the nomads of Asia).* Novosibirsk: Novosibirsk University Publ. (in Russian).

Ilyushin, A. M. 1999. *Mogil'nik Saratovka: publikatsiya materialov i opyt etnoarkheologicheskogo issledovaniya (Saratovka burial ground: publication of materials and experience of ethnoarchaeological research)*. Kemerovo: KuzSTU (in Russian).

Kirillov, I. I., Kovychev, E. V., Kirillov, O. I. 2000. *Darasunskiy kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov. Vostochnoe Zabaykal'e (Darasun complex of archaeological sites. Eastern Transbaikalia)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Kovalevskaya, V. B. 1990. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 199. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ., 37–46 (in Russian).

Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Burial Sites)).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Kurmankulov, Zh. 1980. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia drevnego i srednevekovogo Kazakhstana (Archaeological Studies of Ancient and Medieval Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 191–197 (in Russian).

Mamadakov, Yu. T., Gorbunov, V. V. 1997. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaya. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altay. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 2. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University, 115–129 (in Russian).

Mogil'nikov, V. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 18. Moscow: "Nauka" Publ., 29–43 (in Russian).

Mogil'nikov, V. A. 1997. In Surazakov, A. S. (ed.). *Istochniki po istorii Respubliki Altay (Sources on the history of the Altai Republic)*. Gorno-Altajsk: "GAIGI" Publ., 187–234 (in Russian).

Savinov, D. G., Novikov, A. V., Roslyakov, S. G. 2008. *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (Basandayskaya kul'tura) (The Upper Ob region at the turn of the epochs (Basandaika culture)).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Seregin, N. N., Matrenin, S. S., Stepanova, N. F. 2025. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 82–96 (in Russian).

Seregin, N. N., Matrenin, S. S., Stepanova, N. F. 2025. In *Stratum plus* (5), 241–254 (in Russian).

Seregin, N. N., Matrenin, S. S., Stepanova, N. F. 2025. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija (Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology)* (3), 100–114 (in Russian).

Seregin, N. N., Stepanova, N. F. 2021. In *Stratum Plus* (5), 335–344 (in Russian).

Sprishevskiy, V. I. 1951. In *Trudy Muzeya istorii narodov Uzbekistana (Proceedings of the Museum of the history of the peoples of Uzbekistan)* (1), 33–42 (in Russian).

Torgoev, A. I. 2011. *Remennye ukrasheniya Semirech'ya V – nachala XIII vv. (voprosy khronologii) (Belt decorations of Semirechye from the 5th to the beginning of the 13th centuries (chronology issues)).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Saint Petersburg (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1996. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). Problemy arkheologii, antropologii i etnografii Sibiri *(Issues of archaeology, anthropology and ethnography of Siberia).* Barnaul: Altai University, 154–162 (in Russian).

Troitskaya, T. N., Novikov, A. V. 1998. *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e (Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk Ob region)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Chindina, L. A. 1977. *Mogil'nik Relka na Srednej Obi (Relka burial ground on the Middle Ob)*. Tomsk: Tomsk University (in Russian).

Chindina, L. A. 1991. *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu srednevekov'ya (relkinskaya kul'tura) (History of the Middle Ob region during the Middle Ages (Relka culture))*. Tomsk: Tomsk University (in Russian).

Seregin, N. N., Tishin, V. V., Stepanova, N. F. 2022. In *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* (3), 103–112.

About the Authors:

Seregin Nikolai N. Doctor of Historical Sciences, Professor. Altai State University. Lenin Avenue, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; nikolay-seregin@mail.ru

Matrenin Sergey S. Candidate of Historical Sciences, Altai State University. Lenin Avenue, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; ; matrenins@mail.ru

Stepanova Nadezhda F. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Acad. Lavrentyev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; nstepanova10@mail.ru

Статья поступила в журнал 15.01.2026 г.
Статья принята к публикации 20.01.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу